

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ НИУ «БелГУ»

Кафедра филологии

Этнокультурная динамика русского языка

Сборник трудов молодых учёных

Старый Оскол

2017

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус
Э91

Печатается по решению
Редакционно-издательской комиссии
Старооскольского филиала
ФГАОУ «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

Редакционная коллегия:

Алефиренко Н.Ф., д.филол.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ (научн. ред.)
Семененко Н.Н., к.филол.н., доцент (отв. ред.)

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент Озерова Е.Г.
доктор филологических наук, доцент Селиверстова Е.И.

Этнокультурная динамика русского языка: сборник трудов молодых ученых
Э91 СОФ НИУ «БелГУ» / ред. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. – Старый
Оскол: РОСА, 2017 г. – 312 с.

ISBN 978-5-9500932-0-3

В сборнике представлены научные статьи студентов, магистрантов и аспирантов, выполненные по проблемам системного и дискурсивного анализа языковых единиц. Представленные исследования актуальны в свете дискуссионных проблем взаимодействия языка, культуры, сознания и выполнены с применением методического аппарата лингвокультурологии, социолингвистики и когнитивной лингвистики. В статьях затрагиваются вопросы взаимосвязи языка и культуры применительно к задачам современной русистики, а также освещается круг проблем, связанных с исследованием этнокультурного пространства русского языка.

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус

Ответственный за выпуск Н.Н. Семененко

*Материалы печатаются без редактирования с файл-оригиналов, представленных
авторами в редакционную коллегию*

ISBN 978-5-9500932-0-3

© Старооскольский филиал НИУ «БелГУ», 2017», составление, 2017
© Изд-во «Роса», оформление, 2017

Литература

1. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. – 207 с.
2. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
3. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДКГ «Гнозис», 2003. – 375 с.
4. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ред. Т.Д. Кузовкина. – М.: Языки русской культуры, 1986. – 464 с.
5. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1. – Таллинн: «Александра», 1992. – С. 129-131.

Словари и источники языкового материала

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Мандельштам, О.Э. Собрание сочинений в 4 т. Том 1/ Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – 368 с.
3. Мандельштам, О.Э. Собрание сочинений в 4 т. Том 3 / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. – 528 с.

Помаролли Дж.,
г. Верона, Италия

Ключевые концепты русской культуры: некоторые размышления о критериях отбора и путях анализа в лингвокультурологическом исследовании

В статье принимаются во внимание научные подходы Ю.С. Степанова, А. Вежбицкой и новомосковской школы концептуального анализа, которые являются точками отсчета для современного исследования о ключевых концептах русской культуры. Вслед за общим обзором, представляющим их пути анализа, обсуждаются критерии и методы отбора ключевых концептов и обозначиваются некоторые спорные моменты, обнаруженные в самой установке и в процессе исследования.

Ключевые слова: концепт, константа, ключевое слово, русская культура, языковая картина мира, русская душа

В последние три десятилетия шумным успехом пользовалось у российского языкознания изучение ключевых концептов русской культуры и их языковых репрезентаций. Это внимание обосновано стремлением реконструировать концептосферу русского языка и выявить русскую языковую картину мира (далее – РЯКМ). О популярности этого объекта исследования свидетельствует поразительное количество разнородных трудов,

опубликованных с согласия РАН, и кандидатских диссертаций, защищенных во многих университетах России.

В данной работе принимаются во внимание некоторые основные публикации, служащие моделью для современного лингвокультурологического исследования о ключевых концептах русской культуры: «Константы – Словарь русской культуры» Ю.С. Степанова (2-е изд. 2001), «Язык. Культура. Познание», «Понимание культур через посредство ключевых слов» А. Вежбицкой (1997, 2001) и «Константы и переменные русской языковой картины мира» Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева (2012).

В российском языкознании понятие «концепт» трактуется учеными по-разному, как «результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 1997: 281], «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2001: 43], ключевое слово культуры [Вежбицкая, 2001], фрагмент картины мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012], единица национальной ментальности, воплощаемая в языке [Колесов, 2016] и т.п. Несмотря на то, что нельзя говорить об однородности методологического подхода, исследователи едины в признании того, что анализ языковых единиц, объективизирующих концепты, позволяет выявить свойственную данной культуре концептосферу, опираясь на идею, что язык представляет собой не только средство коммуникации, но и «некий концентрат культуры» [Лихачев, 1997: 284], «доказательство реальности “культуры” в смысле исторически передаваемой системы “представлений” и “установок”» [Вежбицкая, 2001: 44], «архив исторической памяти народа, отражение его образа жизни, верований, психологии, морали, норм поведения» [Кошарная, 2002: 26].

Обращаясь к русскому языку, лингвисты выделяют совокупность структурообразующих для русской культуры концептов, формирующих РЯКМ и раскрывающих основные черты русского «национального характера» и «ментальности». Подобные концепты академик Ю.С. Степанов характеризует как «константы» и их систематизирует в словаре «Константы: Словарь русской культуры». Под термином «константа» Ю.С. Степанов понимает «концепты, существующие постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов, 2001: 84], указывая среди них «Родная земля», «Правда» и «Истина», «Закон», «Душа» и др. Каждая словарная статья представляет предысторию обсуждаемой константы, т.е. внутреннюю форму и этимологию воплощающего ее слова, делая отсылку, «где больше, где меньше», к древней индоевропейской культуре. После предыстории следует реконструкция эволюции концепта до его представления в пределах современной русской культуры, с целью продемонстрировать, «как он реально существует в русском менталитете

нашего времени» [там же: 170]. Путь развития концепта рассматривается в соответствии с русской историей и со ссылкой на отрывки из творчества русских историков, мыслителей, писателей и т.д.

В «Понимании культур через посредство ключевых слов» (фактически, книга является сокращенным изданием Wierzbicka A. «Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese». New York: Oxford University Press, 1997) основные концепты культуры семантист А. Вежбицкая понимает в терминах «ключевых слов» (*key words*), имея в виду слова, которые «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [Вежбицкая, 2001: 35]. Роль ключевого слова в языке А. Вежбицкая объясняет метафорой клубка шерсти: ключевое слово – это сердце клубка, вокруг которого свертываются выражения, фразеологизмы, пословицы и грамматические единицы, воплощающие свойственные носителям данного языка представления, склонности и ценности. Как показано в сборнике статей «Язык. Культура. Познание», в отношении к русскому языку А. Вежбицкая выделяет три основных ключевых слова: «особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры. Я имею в виду такие понятия, как *душа*, *судьба* и *тоска*, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература» [Вежбицкая, 1997: 33]. И действительно, подобно Ю.С. Степанову, значимость ключевых слов А. Вежбицкая демонстрирует с помощью богатого объема избранных цитат из русских авторов. Особенность ее научного подхода заключается в сопоставительном анализе того, как концепты реализованы в разных языках (в основном русском и английском).

Следуя А. Вежбицкой, как «идейно», так и «методологически», в сборнике «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005) и, затем, в его дополненном издании под названием «Константы и переменные русской языковой картины мира» (2012), представители новомосковской школы концептуального анализа А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев идентифицируют систему сквозных мотивов (или ключевых идей), формирующих РЯКМ. Эти мотивы отражены в ряде ключевых слов, которые являются лингво- и культуро-специфичными, «в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012: 12]. Подобные слова – это *правда* и *истина*, *воля*, *судьба*, *душа*, *тоска*, *собираться* и мн.др. Путь исследования – переменный: авторы то следуют от семантики слова к картине мира, то от фрагмента картины мира (ключевой идеи) к их отражающим словам. И снова, языковые данные сопровождаются отрывками из произведений русских философов и писателей.

Но какие есть критерии, которыми оперируют исследователи для определения и отбора ключевых концептов? В гипотетическом диалоге с виртуальным читателем, включенном в предисловии к своему Словарю, Ю.С. Степанов признает, что в основе его подхода лежит субъективный принцип: «путь к “объективному” [данному] пролегает через субъективное размышление», так как «другого пути нет» [Степанов, 2001: 4]. Главным «аргументом и доказательством» служат «цитат-тексты» из различных русских авторов, хотя «окончательная интерпретация принадлежит автору Словаря» [там же: 8]. В свою очередь, А. Вежбицкая также утверждает, что объективных способов для определения ключевых слов не существует; употребляемый ею прием заключается в следующих этапах: выдвинуть гипотезу; проверить, часто ли используется обсуждаемое слово; доказать, что оно особенно распространено в данной семантической сфере; продемонстрировать, что оно является ядром целого фразеологического и паремиологического семейства; и, наконец, показать частоту слова в популярных песнях, названиях книг и т.д. [см. Вежбицкая, 2001: 36]. Критерий отбора ключевых концептов, разработанный А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелевым, основан на лингвоспецифичности слов, которые их репрезентируют. Лингвоспецифичность – это качество, которое само по себе доказывает значительность концепта в пределах русской культуры.

Следует сейчас отметить некоторые моменты, которые ставят под вопрос целую установку представляемых нами исследований. Рассмотрим их по порядку. Ю.С. Степанов, признавая невозможность объективного пути исследования, утверждает, что он полагается на свои личные критические рассуждения, выбирая и комментируя константы, исходя из своей собственной интерпретации и чувствования. Здесь под вопрос ставится не ценность интерпретации Ю.С. Степанова как исследователя, а надежность его чувственного восприятия как носителя того же самого языка и члена той же самой культуры, к описанию которых он стремится. В качестве аргумента ссылаемся к одному из постулатов понятия РЯКМ. Вслед за Ю.Д. Апресяным, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев утверждают, что любой естественный язык отражает «систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителем языка» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012: 11]; и еще: «русский язык [...] заставляет видеть мир, думать и чувствовать именно так, а не иначе» [там же: 14]. Так же, в связи с демиургическим (и принудительным) действием языка, но в более экстремальных терминах, С.Г. Тер-Минасова пишет: «все мы созданы языком и заложенной в нем культурой [...]. У нас по-прежнему нет выбора, мы пленники своего языка» [Тер-Минасова, 2000: 259]. Следовательно, если мы являемся

пленниками своего языка, как можно допускать, что на нашу интерпретацию не влияет навязываемое им видение мира? И, в более общих чертах, выходя за пределы идеи о существовании РЯКМ, какую роль играет культурная принадлежность самого исследователя? Возможно ли, что она обуславливает отбор так называемых ключевых концептов?

Подобным образом, выделение «цитат-текстов», на которые неоднократно ссылаются ученые, кажется, находится под влиянием русской философской и литературной традиций, внутри кругозора которых они оперируют. По этому поводу, обращаясь к работе А. Вежбицкой в статье «Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue naturelle sémantique universelle d'Anna Wierzbicka» (2004), швейцарский лингвист П. Серио выдвигает возражения именно против методологии отбора цитат, предлагаемых семантистом в подтверждение ее теории. Действительно, П. Серио считает, что целая научная установка А. Вежбицкой основана на примерах из произведений ее любимых авторов (*seus auteurs préférés*) русской литературы, в частности А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой, которые, предполагается, являются представителями русской картины мира [Sériot, 2004: 35].

Возьмем в качестве примера концепт «Душа». А. Вежбицкая признает слово *душа* одним из ключевых в русской культуре на основе частоты его употребления, его значимости в языковой системе (*душа* присутствует в богатом ряде фразеологизмов, напр. *на душе, в душе, по душе, душа в душу, излить душу, открыть душу* и т.д.) и отсутствия точного эквивалента в других языках (напр. на английский слово *душа* переводится, в зависимости от контекста, как *soul, heart* или *mind*). С помощью «цитат-текстов» из В.С. Гроссмана, Н.И. Толстого, М.И. Цветаевой и др., в конце своего анализа А. Вежбицкая делает некоторые выводы об «этнопсихологии» англоговорящих и русских. В отличие от «западной культуры», душа противостоит телу и воплощает нечто эмоциональное (*emotional*), нравственное (*moral*), духовное (*spiritual*) и непредсказуемое (*unpredictable*) [для полного представления см. Wierzbicka, 1992: 31-63]. Здесь раскрывается один из долговечных стереотипов русской культуры, успеху которому способствует А. Вежбицкая своим анализом: это миф о «русской душе». И действительно, изучению «русской души» посвящено удивительное количество работ по лингвокультурологии, обращаясь к трудам А. Вежбицкой в качестве научного источника [по этому поводу см. Apresjan, 2009]. Все эти работы неизменно изобилуют ссылками на Ф.И. Тютчева (вездесущей является его строка «Умом Россию не понять»), Н.И. Бердяева (на эссе «О власти пространств над русской душой»), Ф.М. Достоевского (больше всего цитируются следующие слова Ивана

Карамазова: «Широк, ох, слишком широк русский человек») и на русскую поговорку «Чужая душа – потемки».

Из всех особенностей русской души, ученые выделяют удовольствие от страдания, склонность к фатализму, предпочтение коллективизму перед индивидуализмом, тенденцию к крайностям и высокую эмоциональность. Но больше всего русская душа отличается от «западного человека» (противопоставление русского человека западному является общепринятым, но ведь на деле обнаруживает идеологический компонент) двумя главными чертами, т.е. своей загадочностью и своей широтой: «загадочной представляется русская душа иностранцам» [Тер-Минасова, 2000: 161]; «исследователи часто приводят мнение иностранцев о загадочной русской душе и пытаются разгадать, в чем заключается ее загадочность» [Сабитова, 2015: 87]; «владея огромными территориями, русские веками имели такую пространственную свободу, которая и не снилась другим европейским народам, сдавленным тесным пространством» [Сергеева, 2006: 15]; «“широта русской души” интересным образом отражается в русском языке и, в первую очередь, в особенностях его лексического состава» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012: 26].

И действительно, среди сквозных мотивов, формирующих РЯКМ, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев, отмечают «представление о том, что для того, чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012: 12]. Этот мотив отражается в ряде ключевых для русской культуры слов, таких как *даль*, *ширь*, *добираться*, *воля*, *простор* и др. Именно слову *простор* посвящена статья «Родные просторы», в которой ключевую роль концепта авторы демонстрируют с помощью богатого ряда «цитат-текстов» из Н.И. Бердяева, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, И.А. Гончарова и мн.др. (количество цитат в статье почти равно объему представляемых языковых данных). Значимость этого концепта подтверждается лингвоспецифичной природой слова *простор*, хотя статья лишена любого признака сопоставительного анализа. Но больше всего внимания заслуживает зачин статьи, который, как мы увидим, раскрывает общую тенденцию, сближающую пути исследования новомосковской школы концептуального языка, Ю.С. Степанова и А. Вежбицкой. Итак, авторы статьи заявляют, что их рассмотрение исходит из «банальности», согласно которой, «русский характер сформировался под влиянием бескрайних российских просторов». По их мнению, эта идея является одной из тех, «которые высказываются так часто, что воспринимаются уже как нечто само собой разумеющееся» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012: 35]. Подобное утверждение, кажется, подтверждает подозрение о произвольном выборе объекта исследования, который, более или менее сознательно, исходит из

избитых истин, культурных клише, или, другими словами, этнического стереотипа.

Рассматривая современные исследования по концептологии и культурной семантике, в статье «Книга Надежды Жаринцевой “The Russians and their language” (1916) и современные культурологические интерпретации» (2013) Ш.В. Хайров утверждает, что «РЯКМ есть картина стереотипов а не мира» [Хайров, 2013: 296]. И действительно, в соответствии с обсуждаемыми нами исследованиями можно выделить некоторые из этих стереотипов: Россия большая, так что русскому человеку свойственны широкая душа (откуда ключевые для русской культуры слова *душа*, *дружба*, *любовь*) и любовь к простору (воплощаемая словами *воля*, *свобода* и *родная земля*); огромное пространство требовало от русского человека жертвы (откуда *тоска*, *смирение* и, в общем, стремление к страданию) и определяло деспотическое развитие российского государства (от которого происходит тенденция к фатализму русского народа и, в следствии, значимость слов *судьбы*, *авось* и мн.др.); Россия занимает особое место между Европой и Азией (откуда ее уникальность и загадочная душа ее народа). Список мог бы продолжаться без проблем.

Таким образом, в трудах Ю.С. Степанова, А. Вежбицкой, новомосковской школы концептуального анализа и, в целом, в исследованиях, посвященных концептосфере русского языка и РЯКМ, можно признать некий общий путь анализа: сначала выбираются определенные слова, которые, согласно личному чувству исследователя, воплощают ключевые концепты русской культуры; потом их вписывают в неслучайно выбранные контексты, обращаясь к авторитету великих русских писателей, философов и историков; в силу признаваемого отсутствия объективного метода, утверждается необходимость полагаться на личную интерпретацию исследователя, так как «другого пути нет»; и, наконец, когда результаты подтверждают общепринятые стереотипы, делаются выводы об основных чертах русского «национального характера» и «ментальности», хотя само употребление этих понятий требовало бы целого отдельного обсуждения. Как утверждает академик А.Я. Шайкевич, «при таком методе трудно ожидать опровержения стереотипа или получить принципиально новый результат» [Шайкевич, 2005: 14].

В этой статье мы постарались показать некоторые спорные моменты, обнаруженные в процессе исследования так называемых ключевых концептов русской культуры. Как мы увидели, критерии их отбора не объективные, доказательства в подтверждение произвольны, и целая установка исследований питается этническими стереотипами. На труды Ю.С. Степанова, А. Вежбицкой, и А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева ссылаются практически все

современные работы по лингвокультурологии, так что переосмысливание самого пути анализа оказывается сегодня насущным более, чем когда-либо.

Литература

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ. отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
2. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
3. Зализняк, А.А.; Левонтина, И.Б.; Шмелев, А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 696 с.
4. Колесов, В.В. Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова; отв. ред. М.В. Пименова. – 3-е изд., доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 136 с.
5. Кошарная, С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С.А. Кошарная. – Белгород: БелГУ, 2002. – 287 с.
6. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Academia, 1997. С. 174-179.
7. Сабитова, З.К. Лингвокультурология: учебник / З.К. Сабитова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 528 с.
8. Сергеева, А.В. Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов): Книга для чтения о русском национальном характере / А.В. Сергеева. – М.: Русский язык, 2006. – 384 с.
9. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 261 с.
10. Хайров, Ш.В. Книга Надежды Жаринцевой «The Russians and their language» (1916) и современные культурологические интерпретации русского языка / Ш.В. Хайров // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Сб. Ст. – СПб.: Антология, 2013. – С. 289-315.
11. Шайкевич, А.Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок / А.Я. Шайкевич // Московский лингвистический журнал, № 2(8), 2005. С. 5-21.
12. Apresjan, V. The myth of the “Russian soul” through the mirror of language. / V Apresjan // Folklorica. 2009. Vol. 14. P. 91-121.
13. Sériot, P. Oхymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d’Anna Wierzbicka / P. Sériot // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2004. (57). P. 23-43.
14. Wierzbicka, A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Contexts in Culture Specific Configurations / A. Wierzbicka. – Oxford & New York: Oxford University Press, 1992. – 487 p.

Словари и источники языкового материала

1. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.